

**«ДЕКЛАРАЦИЯ»
1927 г.
МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ
(СТРАГОРОДСКОГО)
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЦЕРКОВНОГО
СОЦИУМА
В КОНЦЕ 1920 –
НАЧАЛЕ 1930-х гг.**

*(По материалам
Чувашской
и Марийской
автономий)*

Если взглянуть на историю Русской православной церкви (РПЦ) с первых десятилетий Советской власти и до 1930-х гг., то можно увидеть, что это история нескончаемой череды различных расколов и разделений. Путьтинская смута, обновленчество в различных формах, национальные автокефалии, григорианский раскол, ярославский раскол, «оппозиция справа», уход православных в секты и отказы от веры — таков далеко не полный перечень внутренних настроений. Некоторые из них канули в Лету, другие, напротив, прошли своеобразное испытание временем. К числу последних относится и так называемая «истинно православная церковь».

Последовавшая в 1925 г. смерть патриарха Тихона породила различные толки среди духовенства и верующих. Так, по сообщению Чувашского областного отдела ОГПУ, началось хождение противоречивых слухов, в том числе и обвинение коммунистов или обновленцев в его убийстве¹. Однако кончина патриарха имела и куда более существенные последствия кроме досужих домыслов или шептаний. 15 марта 1925 г. в «Известиях» был напечатан текст «Воззвания», подписанный патриархом в день кончины. Документ, получивший название «Завещание патриарха», временно представлял в «случае нашей кончины наши патриаршие права и обязанности до законного выбора Патриарха» последовательно митрополиту Кириллу, митрополиту Агафангелу, митрополиту Петру². Последний, предвидя серьезные осложнения, 6 декабря 1925 г. издал акт, где назвал своего правопреемника — митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского). Уже несколько дней спустя митрополиту Сергию пришлось стать Патриаршим местоблюстителем — 10 декабря митрополит Петр был арестован.

В 1927 г. Сергей выпустил знаменитую «Декларацию», в которой отказывался от противостояния с Советской властью. Показательна последовавшая реакция архиепископа Чувашского Тимофея (Зайкова): в обращении к пастырям и верующим он отмечал, что «староцерковники не будут теперь клеймить Синодальную церковь



разного рода кличками “красные”, “советские”, “изменники” и даже “чекисты” или “агенты ГПУ”»³. Показательно и то, что в начале 1930-х гг. советские органы управления нередко обособляли не только «староцерковников» и «обновленцев», но и «тихоновское» и «сергиевское» течения⁴.

Такое положение не могло не вызывать сопротивления со стороны клира и наиболее активных верующих: значительная часть священно- и церковнослужителей страны отвергла «Декларацию» 1927 г. митрополита Сергия. По оценке митрополита Иоанна (Снычева), почти 90 % православных приходов отослали декларацию обратно автору⁵. Так в РПЦ возникла «оппозиция справа», которая в исторической литературе известна под именами «истинно-православных христиан», «истинно-православной церкви», «катакомбной церкви», «непоминающих» и др. В начале 2000-х гг. по отношению к «истинно православным» оказался даже применен термин «альтернативное православие»⁶.

Помимо приведенных объединяющих названий, «оппозиция справа» изначально была известна также под «именными» терминами, преимущественно произведенными от того или иного не признавшего «Декларацию» епископа. Так, «оппозицию справа» составляли так называемые «андреевцы» (духовным главой движения был архиепископ Андрей (Ухтомский)), «иосифовцы» (сторонники митрополита Петербургского Иосифа (Петровых)), «викторианство» (по имени епископа Ижевского и Вотского Виктора (Островидова)), «бுவещина», отцом-основателем которой стал епископ Козловский Алексей (Буй), а также другие группы «непоминающих», воздерживавшихся от поминовения имени заместителя местоблюстителя за богослужениями.

Не минуло «церковное сопротивление» и национальные регионы Среднего Поволжья. Свой разрыв с РПЦ Московской патриархии «истинно-православные» объясняли тем, что «в настоящее время на церковь наложена печать антихриста», «православная вера искажена», а служители отступили

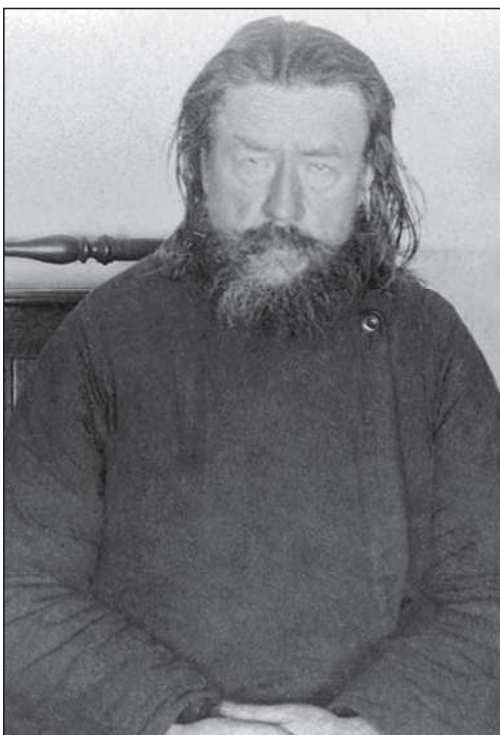
от священных канонов и традиций древнеапостольской церкви⁷. При этом оппозиционные движения, вызванные к жизни появлением «Декларации» митрополита Сергия, не получили в автономиях столь широкого размаха и резонанса, каким сопровождалось обновленчество. Нам не известно ни одной серьезной попытки сближения различных групп. В силу географического расположения интересующих нас регионов оказались разными источники «новых веяний». Для Марийской автономии единственным источником стало «викторианство» из Вятской епархии, в Чувашию «истинное православие» проникало двумя путями: через Ульяновск — «андреевская» версия и опосредованно через Казань — уже упомянутое «викторианство».

В Марийскую автономную область «истинное православие», как уже отмечалось, пришло через Вятскую епархию, с которой у многих марийских приходов, прежде всего той части области, которая ранее административно-территориально входила в состав Вятской губернии, по-прежнему сохраня-

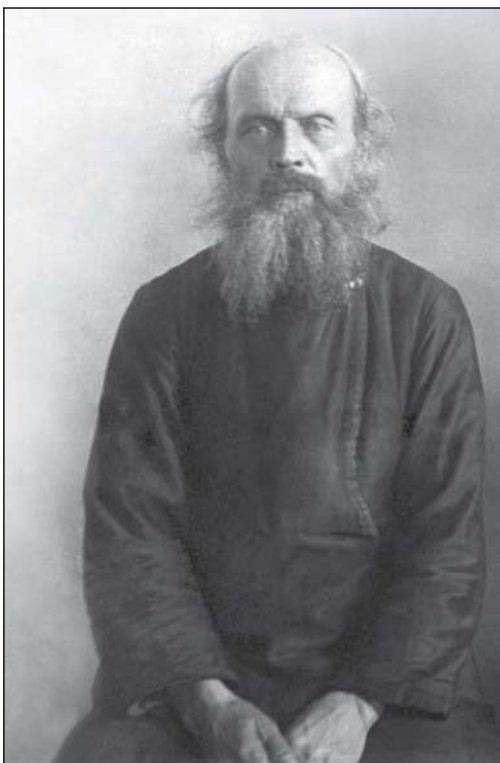


Епископ Виктор (Островидов). Фото с сайта: «Древо: Открытая православная энциклопедия». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://drevo-info.ru/images/002/003192.jpg>.





П. Н. Каллистов. Фото из фондов Архива Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии.



Д. А. Андриевский. Фото из фондов Архива Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии.

лись тесные взаимосвязи. «Основателем» правооппозиционного раскола на Вятке был епископ Ижевский и Вотский Виктор (Островидов), который отправил послание (декларацию) обратно, посчитав невозможным огласить его в своей епархии⁸. В письме митрополиту Сергию он указал, что «от начала до конца оно (послание. — Ф. К.) исполнено тяжелой неправды и есть возмущающее душу верующих глумление над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию»⁹. Не доверять митрополиту Сергию побуждали его и начавшиеся назначения на ключевые должности бывших обновленцев, а также увольнения на покой «староцерковных» епископов¹⁰. Несмотря на отстранение его от управления, в последующие годы треть приходов Вятской епархии полностью прекратила молитвенное общение с центром, а в оставшихся приходах четверть населения порвала с оставшимися в «сергианстве» причтами и перешла в «викторианские»¹¹.

По утверждению марийского исследователя Н. С. Попова, в области «викторианство» получило распространение лишь в приходах с. Элембаево и Старый Торъял Новоторьяльского кантона, церковно-приходские советы которых объявили себя в сентябре 1927 г. «автокефальными»; в 1928 г. в числе «викторианских» приходов отмечено с. Килемары¹². Однако анализ репрессивной практики в отношении «истинно-православных» на территории региона свидетельствует о более широком распространении «викторовщины». В настоящее время известно более пятнадцати фактов преследования групп верующих, в обвинительных заключениях которых отмечена их принадлежность к «викторианам»¹³. В скорбном списке жители Горномарийского, Йошкар-Олинского, Мари-Турекского, Ново-Торьяльского, Оршанского, Ронгинского, Сернурского и других кантонов, т. е. география значительно шире, нежели она обозначена Н. С. Поповым. По указанным делам привлечено было почти 160 человек.

В ряде случаев карательными структурами не покрывалась вся группа «инакомыслящих», а лишь «изымались» отдельные священнослужи-



тели — вероятно, тем самым устранялась первопричина волнений. Например, 15 декабря 1931 г. в с. Макманур Оршанского кантона был арестован священник местной церкви Иоанн Безденежных. Хотя, как и в других регионах страны, преимущественно речь шла о массовых репрессиях. Так, в конце сентября — начале октября 1929 г. в Йошкар-Оле и населенных пунктах Ново-Торьяльского кантона было арестовано 19 человек, в феврале 1931 г. в г. Козьмодемьянске и Оршанском, Ново-Торьяльском, Сернурском, Мари-Турекском кантонах — 26 человек, в январе 1932 г. в с. Малый Сундырь Горно-Мариинского кантона — 17 человек, еще 17 человек — в декабре 1933 — январе 1934 г. в Подмонастырской слободе и д. Ежово Йошкар-Олинского района и т. д. Впрочем, несмотря на массовый характер арестов, приговор к высшей мере наказания был вынесен только одному человеку — священнику с. Казанское Сернурского кантона П. Н. Каллистову¹⁴. Еще в одном случае аналогичный приговор (священнику с. Еламбаево Новоторьяльского кантона Д. А. Андриевскому) был пересмотрен и заменен пятью годами заключения¹⁵.

Учитывая географическую широту распространения «истинного православия» в Марийском крае, а также тот факт, что в назидание другим арестовывались и осуждались, как правило, наиболее активные участники инакомыслия, мы берем на себя смелость утверждать, что фактическое количество противников сергианства значительно превышало приведенную цифру осужденных. В пользу этого свидетельствует и факт почти повсеместного распространения в автономии антиколхозных выступлений, поскольку одним из главных предъявленных «истинно православным» обвинений была антиколхозная агитация.

Таков вкратце обзор ситуации с распространением и судьбой «истинного православия» в Марийском крае. Схоже по побудительным мотивам, но различно по векторам проникновения и, соответственно, степени влияния сложилась внутрицерковная жизнь в Чувашии. Здесь, на наш взгляд, ситуация формировалась под влиянием тяготения той или иной части

автономии к тому или иному церковно-административному центру за пределами республики. Таких «центров» было два: Ульяновск и Казань.

Группой староцерковников Мало-Яльчикского района был создан «Союз православной церкви», идейно возглавляемый сторонником епископа Андрея (Ухтомского) епископом Аввакумом (Боровковым) из Ульяновска. Инициаторами выступали благочинный Мало-Яльчикского округа, настоятель церкви с. Байгильдино о. Сергей Орлов, псаломщик церкви с. Новые Шимкусы Александр Григорьев и в прошлом член правления Православной автокефальной чувашской национальной церкви, староста церкви с. Апанасово-Темяши А. Х. Хрисанфов¹⁶. В советской историографии появление «Союза православной церкви» объяснялось прежде всего неприятием Советской власти и приверженностью монархическим ценностям¹⁷. Однако анализ архивных источников показывает, что причиной возникновения «оппозиции справа» явилось неприятие митрополита Сергея. Эту позицию четко обозначил А. Г. Григорьев: «На самом деле он (Сергий. — Ф. К.) являлся и является незаконным захватчиком церковной власти. На собрании [я] говорил, что митрополит Сергей сделался обновленцем, захватил самовольно церковную власть и выдает себя за местоблестителя патриаршего престола, поэтому нам необходимо от него отделиться». В его же показаниях на следствии зафиксировано и отношение к Советской власти: «Советскую власть считаю наказанием Божиим, раз это Божие наказание, я против власти, поэтому, не возражаю»¹⁸.

Названное движение начало формироваться как оппозиционное «сергианству» в более ранний период, однако именно «Декларация» 1927 г. привела к его законченному организационному становлению. В показаниях лидеров движения констатировалось, что именно появление этого документа зародило мысль «объединить духовенство и мирян из староцерковников в какую-то организацию и удерживать их в „чистом православии“». Масла в огонь подлил и архиепископ Андрей (Ухтомский), направивший в августе 1928 г.



присоединившемуся к Союзу православной церкви священнику церкви с. Шутнерово Урмарского района о. Гурию (Павлову) письмо, в котором назвал митрополита Сергия «явным изменником святой церкви и обновленцем» и призвал своих сторонников не принимать назначенных им епископов. Весной 1929 г. «Союз православной церкви» обрел свои четкие организационные формы, руководствуясь напутствием епископа Аввакума (Боровкова): «Крепко стойте за чистоту православия»¹⁹.

Отдельные группы противников «сергианства» были известны в Чувашии и под собственным названием «истинно православные». Ошибочно утверждение Л. Ю. Браславского, что это движение возникло только в 1929 г.²⁰ Подобная точка зрения, возможно, основана на показаниях А. С. Етрухина, одного из лидеров местных «истинно православных», заявившего на следствии, что организация создана летом 1929 г.²¹ Однако в приведенном примере речь шла о конкретном объединении, члены которого были арестованы и предстали перед судом. По факту же первые разрозненные группы последователей этого вероучения появились в автономии в противовес обновленчеству еще в конце 1923 г.²² Наиболее значительный рост численности «истинно православных» (священников, монашествующих и мирян) на территории Чувашии происходил в 1926–1927 гг. Возглавлял «антисергианское» движение архимандрит Агафангел (Етрухин), духовно окормлял — проживавший в Казани «викторианский» епископ Нектарий (Трезвинский). По имени последнего сторонников «истинного православия» называли также «нектарьевцами» или «сектантами-нектарьевцами»; отдельные группы фигурировали и под производными от имени местного руководителя названиями²³.

«Истинно православное» движение существовало на всей территории Чувашской АССР. Центром был Цивильский уезд, многочисленные группы «истинно православных» отмечены также в Покровской волости Чебоксарского уезда, в Чувашско-Сорминской и Шуматовской волостях Ядринского уезда, в ряде населенных пунктов Ба-

тыревского уезда²⁴. С 1928 г. началось сокращение численности приверженцев «истинно православной веры» (например, в населенных пунктах, прежде входивших в состав Цивильского уезда, их число сократилось более чем наполовину)²⁵. В 1929 г. в девяти районах республики насчитывалось всего 435 «истинно православных»²⁶. Правда, объяснить тенденцию к сокращению численности сторонников «истинно православной церкви» (ИПЦ) в автономии вероятней всего можно не только отказами «сектантов» от своих убеждений (были и такие, кто, не отказываясь от взглядов, соглашался выполнять государственные повинности), но и «принятыми по отношению к ним Чувашским отделом ОГПУ мерами» (под такой обтекаемой формулировкой крылось в отчетах карательной структуры «изъятие» некоторых руководителей и активных членов местных групп)²⁷ и усилившимися вследствие этого мерами собственной безопасности и большей конспиративностью.

Анализируя развитие в Чувашии «оппозиции справа» нельзя, на наш взгляд, не назвать и так называемую «секту краснодраконовцев». Отношение к этой религиозной группе было и остается до сих пор неоднозначным и даже противоречивым. Одни исследователи считают ее только сектантским движением и рассматривают под соответствующим углом зрения²⁸, другие относят к раскольническим («истинно православным») группировкам, возникшим на почве неприятия Советской власти и «нового курса» митрополита Сергия (Страгородского)²⁹. По нашему мнению, вполне справедлива оценка «краснодраконовцев» как изначально религиозного течения православного толка, возникшего на почве категорического неприятия нового общественно-политического строя (отечественная история 1920-х гг. знает множество аналогичных примеров), впоследствии и властью, и православной церковью отнесенного в силу крайности своих убеждений в разряд сектантства.

«Краснодраконовцы» — одно из самых малоизученных религиозных течений на территории автономии. Между тем область распростра-



нения движения была достаточно широкой, его ячейки имелись в Канашском, Цивильском, Урмарском, Козловском, Мариинско-Посадском, Аликовском и Татаркасинском районах. При этом название «краснодраконовцы» как в республике, так и в других регионах страны не являлось самоназванием этого движения (оно, например, ни разу не встречается в материалах дознания по делу одной из раскрытых «ячеек»³⁰). Этот термин использовался, как правило, представителями Советской власти: данная группа верующих сравнивала Советскую власть с красным драконом Апокалипсиса и отказывалась «по своим убеждениям и по писанию» не только «помогать Сов[етской] власти», но и «давать дань (т. е. платить налоги и сборы. — *Ф. К.*) и работать по распоряжению представителей Сов[етской] власти»³¹. Члены этого движения в Чувашии именовали себя «истинными христианами» (возможно, по данной причине в «Синодике Чебоксарско-Чувашской епархии» они оказались объединены с «ИПЦ»)³².

Лидерами «краснодраконовцев» в автономии являлись крестьяне-единоличники и отдельные лица духовного звания. При этом членов движения, как «верхушку», так и рядовую массу отличала очень высокая степень религиозности, о чем свидетельствуют крайняя форма неприятия действий Советской власти (как заявила одна из сторонниц течения, «в отношении того, кто такой Ленин, я советую посмотреть главу 13 Откровения Иоанна Богослова»³³) и откровенные показания на допросах («Я как верующий в Бога с малолетства и как я крещеный — никогда и ни за что не откажусь от религии»³³). Не удивительно,

что члены этой религиозной группы вели упорную агитацию против участия в общественно-политической и социокультурной жизни.

Установить численный состав группировки достаточно сложно ввиду высокой степени ее конспирации. По характеристике местных партийных и научных работников, организация в представлениях самих сектантов мыслилась как партия («партия Христова», «партия верующих») и имела «единую политическую платформу отказа от всего советского». Ячейковый принцип организации сопровождался централизованным руководством и хорошо налаженным аппаратом связи между «структурными подразделениями» в разных районах³⁴. Именно это, видимо, помогало организации в первое время избегать полного разгрома, хотя время от времени правоохранительным структурам удавалось вскрывать какой-то из «нарывов». Однако в 1931–1934 гг. массовые репрессии привели к фактическому исчезновению «краснодраконовцев» с арены активной религиозной жизни автономии — по крайней мере, подобных сведений не содержат имеющиеся в нашем распоряжении источники. Учитывая резкий антисоветский характер убеждений «краснодраконовцев» и жесткую позицию властей по отношению к ним, можно считать, что любые формы данного движения в регионе не остались бы незамеченными.

Рассматривая историю «истинного православия» на территории национальных регионов Среднего Поволжья нельзя не сказать и о трагическом финале многих из «ячеек» этого движения. Мы уже приводили факт, что в Марийской автономной области в 1929 — первой половине 1930-х гг. прошло около 15 судебных процессов в отношении групп «истинно православных». В Чувашии в 1931–1932 гг. были разгромлены все упоминавшиеся нами группы³⁵. В таких условиях наиболее фанатичные проповедники и приверженцы «истинного православия» вынуждены были уйти в подполье, сформировав так называемую катакомбную церковь³⁶.

³⁰ Речь идет об одной из книг Нового Завета, более известной как «Апокалипсис». В 13-й главе «Откровения Иоанна Богослова» говорится о появлении Зверя, описывается его поведение («И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира») и дается предостережение («Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть») (см.: Откровения Иоанна Богослова, 13:5–8, 18).

³⁶ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-11-21003.



ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), ф. П-1, оп. 5, д. 25, л. 129.
2. Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание») от 14 апреля 1925 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 / Сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. – С. 361-363.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР), ф. Р-784, оп. 3, д. 48, л. 146.
4. Центральный архив Нижегородской области, ф. Р-2626, оп. 1, д. 1346, л. 56.
5. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. – Сортавала, 1993. – С. 130.
6. Альтернативное православие: Справка редакции журнала «Отечественные записки» // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 206-212; Погасий А. К. Конкурентные религиозные дискурсы в социально-исторической эволюции русского православия: автореф. дис. ... док. филос. наук. – СПб., 2013. – С. 34-35.
7. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 8, д. 213, л. 148.
8. Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). Жизнеописание и труды / Сост. Л. Сикорская. – М., 2010. – С. 169.
9. Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. – С. 238.
10. Вятский исповедник: святитель... – С. 166.
11. Государственный архив Кировской области, ф. 237, оп. 77, д. 1, л. 93; Поляков А. Г. Сущность Викторианского течения в Русской православной церкви глазами сторонников митрополита Сергия (Страгородского): октябрь 1927 — начало 1929 года // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 127.
12. Попов Н. С. Православие в марийских приходах Вятской епархии в 20-е годы XX века // Марийский археографический вестник. – 2003. – № 13. – С. 80.
13. Сайт «Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.histor-ipt-kt.org/DOK/mary.html>.
14. Архив Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии. Дело по обвинению священника церкви с. Казанское Сернурского кантона П. Н. Каллистова и др. (листы дела не пронумерованы).
15. Там же. Дело по обвинению священника с. Еламбаево Новоторьяльского района Д. А. Андриевского и др. (листы дела не пронумерованы).
16. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 3, д. 3098, л. 151 об.-152.
17. Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972. – С. 313.
18. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 3, д. 3098, л. 153 об., 157, 160.
19. Там же, л. 144 об., 156 об., 159.
20. Браславский Л. Ю. Религиозные и оккультные течения в Чувашии. – Чебоксары, 2000. – С. 108.
21. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 3, д. 3738, л. 230.
22. Денисов П. В. Указ. соч. – С. 314.
23. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 2, д. 1264, л. 1, 5, 6; Денисов П. В. Указ. соч. – С. 317.
24. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 7, д. 35, л. 27-32; оп. 8, д. 213, л. 123-124; Денисов П. В. Указ. соч. – С. 315.
25. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 8, д. 212, л. 150.
26. Там же, оп. 10, д. 238, л. 110.
27. Там же, оп. 8, д. 51, л. 322.
28. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. – М., 1965. – С. 98, 205-206.
29. Гринько В. С. Единое учебно-методическое обучающее пособие по философским наукам. – Кострома, 1998. – С. 27; Иеродиакон Иосиф (Ключников). Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии: иллюстрированный сборник статей о пострадавших за православную веру в годы Советской власти в Чувашии. – Чебоксары, 2012. – С. 168.
30. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 2, д. 3646, л. 1-238.
31. Там же, л. 219; Савин А. И. Из истории сопротивления единоличного крестьянства Сибири массовой коллективизации // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. / Науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2012. – Вып. 3. – С. 160.
32. ГИА ЧР, ф. Р-1754, оп. 2, д. 2, л. 21 об.; Иеродиакон Иосиф (Ключников). Указ. соч. – С. 166-177.
33. ГИА ЧР, ф. Р-2669, оп. 2, д. 3646, л. 42 об., 48 об.
34. Там же, ф. Р-1515, оп. 1, д. 13, л. 23; ф. Р-1754, оп. 2, д. 2, л. 21 об.
35. Там же, ф. Р-2669, оп. 2, д. 3646, л. 233-238.

Фёдор Козлов,
кандидат исторических наук

